

Н. Я. НИКОЛАДЗЕ — ОГАРЕВУ И ГЕРЦЕНУ

Публикация Я. З. Черняка

Николай Яковлевич *Николадзе* (1843—1928) — известный грузинский публицист, участник революционно-демократического движения шестидесятых — восьмидесятых годов прошлого столетия. В юности, состоя студентом Петербургского университета и участвуя в волнениях, возникших в университете осенью и зимой 1861—1862 гг., Николадзе встретился, на почве студенческого движения, с Чернышевским, познакомился с ним и в некоторой мере сблизился. В 1864 г., т. е. в возрасте двадцати одного года, Николадзе уехал за границу. Сперва жил в Париже, а с осени 1865 г. — в Женеве. Вопрос о сотрудничестве Николадзе в «Колоколе» и вообще в изданиях Вольной типографии изучен далеко не достаточно. В известной сводке М. М. Клевенского «Герцен-издатель и его сотрудники» («Лит. наследство», т. 41-42, 1941, стр. 601—602) указано, что «еще до выезда за границу» Николадзе «корреспондировал в „Колоколе“ о тифлисских делах». Однако ни одна из таких корреспонденций или статей в сводке не названа. Не смогли покамест и мы установить, какие именно заметки о Грузии или Закавказье, напечатанные в «Колоколе» до середины 1864 г., принадлежат Николадзе. Едва ли их было много. Находясь за границей, Николадзе действительно некоторое время систематически сотрудничал в «Колоколе». Период этого сотрудничества был невелик — приблизительно с апреля по сентябрь 1865 г. Сначала Николадзе посылал свои корреспонденции в Лондон, а после переезда типографии и редакции «Колокола» на континент (апрель 1865 г.) посылал корреспонденции в женевское издание. Так продолжалось до осени того же года, т. е. до переезда самого Николадзе в Женеву. Но как раз приблизительно к этому времени исчерпываются наши сведения о сотрудничестве Николадзе в издании Герцена и Огарева. После 15 сентября 1865 г. нам неизвестна ни одна статья Николадзе, напечатанная в «Колоколе». Напомним те данные о сотрудничестве Николадзе с Герценом и Огаревым в 1865 г., которые имеются в нашем распоряжении. Статьи его печатались либо анонимно, либо за подписью *Рио Нелли* (псевдоним образован от названия реки Рион в Грузии). Они опубликованы в следующих листах «Колокола»: лл. 198 и 199 от 15 июня и 1 июля 1865 г. — «Освобожденные крестьяне в Грузии»; л. 201 от 15 августа 1865 г. — «Наши будущие адвокаты перед „Московскими ведомостями“»; л. 204 от 15 сентября 1865 г. — «Июньские дни в Тифлисе». Имеются также неподписанные заметки и статьи, касающиеся Грузии, которые М. М. Клевенский в цитированной сводке определяет как принадлежащие «весьма возможно» Николадзе: «Из Грузии» — в л. 196 от 1 апреля 1865 г., «Беспорядки в Тифлисе» — в л. 202 от 1 сентября 1865 г. Из печатаемых ниже писем можно заключить, что заметка «Михаила и Михайлы Николаевичи», напечатанная в «Смеси», л. 197 от 25 мая 1865 г. (первый женевский лист), составлена отчасти на основании сообщения Николадзе.

Чем же, однако, объясняется прекращение сотрудничества Николадзе в «Колоколе»? Найти ответ на этот вопрос в сфере отношений, сложившихся между Герценом и Огаревым и так называемой «молодой эмиграцией», невозможно. Николадзе находился за границей легально и, сохраняя перспективу возвращения в Россию, держался в стороне от большей части эмигрантов и не участвовал в каких-либо с ними связанных манифестациях. Почвы для столкновений с Герценом и Огаревым *в это время* у Николадзе не было. Проследим, однако, отношения Герцена с Николадзе в интересующий нас период.

Первые упоминания имени Николадзе в письмах Герцена относятся к 17—21 марта 1865 г. Они возникли по следующему поводу. 16 марта 1865 г. Герцен приехал в Париж и здесь, как было условлено с Огаревым, должен был найти Николадзе. Однако точного адреса Герцен не знал. 17 марта он писал Огареву: «Не могу найти адрес Ник(о)ладзе), помню, что Rue de Seine, но нумер,—кажется, 32. Спрашивал у Ут(ина (Е. И.?), ответа нет еще), а вечером того же дня: «...с Николадзе фатум: был на десяти кварт(и)рах), в Rue de la Seine, от 30 до 40, — нигде не нашел» (XVIII, 58). Видимо придя к заключению, что найти Николадзе будет трудно, Герцен тут же прибавил: «Впрочем, можешь же ты дело отделать и на письме» (там же). 19 марта Герцен пишет: «Письмо от тебя; к Николадзе пойду» (XVIII, 60). Огарев, следовательно, послал Герцену адрес Николадзе и настаивал на личных переговорах. Герцен отправился 20 марта и в тот же день сообщил: «У Николадзе был, не застал, назначил ему rendez-vous» (XVIII, 62). Наконец свидание состоялось, и Герцен о его результатах сообщил 21 марта: «Николадзе у меня. Он от тебя ничего не получал и желает знать, какие именно подробности ты желаешь знать» (XVIII, 63). Это все, что мы знаем о переговорах Герцена с Николадзе.

Из публикуемых писем выясняется, что предстоящее участие в изданиях Герцена было главным предметом переговоров издателей «Колокола» с Николадзе. Вскоре после Герцена Огарев продолжил эти переговоры и лично обсудил с Николадзе конкретные темы его будущих выступлений, выяснил, какие материалы следовало прислать Николадзе для работы, и т. п. (см. письмо от 14 мая 1865 г.). Хотя письма Николадзе в целом критичны по отношению к «Колоколу» и его линии, в них, однако, встречаются в то же время положительные отзывы о публицистических произведениях Герцена; это свидетельствует о том, что почва для возникшего сотрудничества была все-таки благоприятна.

15 июня 1865 г. Герцен писал Огареву о только что отпечатанной в л. 198 «Колокола» первой половине статьи Николадзе «Освобождение крестьян в Грузии»: «Грузинская статья очень хороша» (XVIII, 146). Через два месяца, 12 августа, Герцен писал Огареву: «Огарев, помни, что к следующему № у меня ничего нет. Я вывез все жевенские (номера), теперь заставь себя и Ник(о)ладзе). Долю вещей о процессе (Н. А.) Сер(но)-Сол(овьевича) можно печатать, и „смесь“ я составлю, но существенной piéce de résistance * нет» (XVIII, 176). Приведенный отрывок доказывает, что в это время Николадзе являлся не рядовым, а близким сотрудником редакции «Колокола».

Речь в письме Герцена шла о будущих, сентябрьских листах «Колокола» (лл. 203 и 204). Но, за исключением небольшой статьи в л. 203, никаких других заметок или статей Огарева в этих листах «Колокола» мы не находим. Лишь одна небольшая заметка принадлежит Николадзе в л. 204. Не значит ли это, что из предложения Герцена ничего не получилось? Не появлялось в «Колоколе» (после л. 204 от 15 сентября) и подписи «Рио Нелли» — Николадзе. Повидимому, летом или осенью 1865 г. произошло что-то, что нарушило союз «Колокола» с Николадзе.

Частичное объяснение причин этого расхождения дают публикуемые письма Николадзе к Огареву. Речь в них идет об очень важной проблеме—критике либеральных ошибок «Колокола» и обоих его редакторов. Центральным моментом, затронутым в переписке, является выступление Герцена в мае 1865 г. с новым «Письмом к императору Александру II», написанным по поводу смерти наследника. Это письмо вызвало критику со стороны многих представителей «молодых» и особенно острую и сильную со стороны Николадзе. Письмо, содержащее первые критические замечания Николадзе по этому поводу, до нас не дошло, но последующая переписка между Николадзе и Огаревым исчерпывающим образом передает содержание возникшего спора.

Напомним прежде всего, что до появления письма Герцена в л. 197 «Колокола» от 25 мая 1865 г. отношения между Николадзе и редакцией «Колокола» можно определить как вполне дружественные. После мартовских переговоров Герцена с Николадзе последовали в начале апреля личные переговоры Огарева с Николадзе.

* основной статьи (франц.).

Переговоры эти происходили в Париже, где Огарев остановился по пути в Женеву, и касались задуманного редакцией «Колокола» издания сборника (несостоявшееся возобновление издания «Полярной звезды»), к участию в котором Огарев считал необходимым привлечь Николадзе. В конце апреля Николадзе, находившийся в стесненных обстоятельствах, обратился к Герцену и Огареву с просьбой дать ему взаимы денег и получил тотчас из «Общего фонда» сто франков (см. письмо от 14 мая 1865 г.). Эта помощь позволила Николадзе продержаться и подготовиться к переезду в Женеву «года на три», как он пишет в одном из писем (см. письмо от 25 апреля 1865 г.). Апрельское и майское письма Николадзе доказывают, что между ним и редакцией «Колокола» существовала полная договоренность о сотрудничестве. Но вот появляется письмо Герцена к Александру II. Тотчас же Николадзе пишет из Парижа письмо, не дошедшее до нас, но которое Николадзе сам после цитирует (см. приписку к письму от 12 июня 1865 г.). Повинуясь первому впечатлению, Николадзе заявлял Огареву, что письмо Герцена «может ввести в заблуждение многих»: «Я писал, что неужели он (Герцен) не разочаровался еще в е(го) в(еличестве), я ставил этот вопрос, нимало не подозревая в Герцене такого ослепления». Огарев, отвечая Николадзе, пытался доказать, что и этим письмом Герцен борется за сочувствие «большинства» подлинной социальной революции. В ответ на это письмо Огарева 12 июня 1865 г., т. е. через две недели с небольшим после появления статьи Герцена, Николадзе набросал публикуемую ниже характеристику «Колокола» и остановился на его колебаниях, связях с либеральными элементами, его иллюзиях и ошибках. В этом письме много справедливого, хотя общее отношение автора к самой роли «Колокола» в 1860—1862 гг. явно пристрастно и неверно по существу. Огарев возражал Николадзе не только в личной переписке. Он выступил и в печати. 15 июля 1865 г. в л. 200 «Колокола» появилась его статья «По поводу письма Искандера к государю. Письмо к NN». Эта статья была обращена именно к Николадзе и в некоторых частях содержала прямые отклики на утверждения Николадзе и его критику Герцена. Посылая Николадзе «Колокол», Огарев, очевидно, предложил перенести полемику в печать. В ответ последовало новое письмо Николадзе — от 22 июля 1865 г., — в котором, отклоняя предложение Огарева, он обосновывал невозможность публичного обсуждения данного вопроса тем, что при этом необходимо будет довольно резко критиковать и революционную молодежь, которую и без того травит во всей реакционной прессе «стая лисиц и во главе ее Катков». Таким образом, полемика не состоялась.

Публикуемые письма Николадзе к Огареву характеризуют источник разногласий, помешавших наметившемуся сотрудничеству.

Мы не касаемся здесь всей дальнейшей истории взаимоотношений Николадзе с Герценом и Огаревым. Хронологические рамки печатаемых документов не позволяют этого, да и самые эти отношения заслуживают отдельного рассмотрения.

Письма публикуются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 94а и 159).

1

ОГАРЕВУ

Paris, 45, rue de Seine
25 апреля 1865.

Я получил ваше письмо сегодня утром¹; в ответ я могу сказать, что, к сожалению, я никак не мог достать здесь «Положений»², по той простой причине, что я не знаком решительно ни с кем из русских. Утина здесь нет, по крайней мере я не видел его со времени его отъезда в Берлин³. Что же касается до статьи о крестьянском деле, я постараюсь сделать все от меня зависящее для того, чтобы статья оказалась годною для вас⁴. Пришлете ли вы «Положения» или нет, во всяком случае я пришлю вам статью к 10 мая; только я попрошу вас написать мне размеры места, которое вы намерены отвести в «К(олоколе)» для этого вопроса.

Н. Я. НИКОЛАДЗЕ

Фотография, 1870-е гг.

Институт русской литературы
АН СССР, Ленинград

Я тороплюсь закончить с этой частью моего письма, чтобы перейти к моему жизненному вопросу. Дело, извольте ли видеть, в том, что я сжат со всех сторон и едва могу жить здесь. Мой батюшка положил условием своего вспомоществования, чтобы я занялся механикой и технологией, так, чтобы я пригодился для какой-то фабрики, которую он устраивает в Кутаисе. Я, конечно, согласился на это и написал уже ему об этом, но пока мой ответ дойдет до Кутаиса и пока в ответ на мой ответ я получу здесь деньги, — пройдет по самой малой мере месяца три, а это целая вечность. В этом положении совершенно простительно ухватиться за соломинку, и так как мне остается только одно средство вывернуться из беды, — я решаюсь на этот шаг, хоть он чрезвычайно тяжел для меня, потому что я рискую потерять ваше расположение ко мне... Но мне не из чего выбирать, тем более, что я знаю, что вы не примете это письмо в худую сторону. Короче, я принужден просить у вас или у г. Герцена в заем франков пятьсот. С этой суммой я могу расплатиться с долгами и прожить до августа месяца, а в эту пору я получу деньги от отца и приеду в Женеву года на три. Я не хочу говорить, насколько вы меня обяжете, если вытащите меня из этого омота...

Можете вообразить себе, с каким нетерпением я буду ждать вашего ответа.

Ваш Н. Николадзе

¹ Письмо Огарева неизвестно в печати.

² Николадзе имеет в виду полный текст «Положений» 19 февраля 1861 г., необходимых ему для статьи «Освобождение крестьян в Грузии», над которой он работал. «Положения» были введены в Грузии только в 1865 г. с рядом изменений.

³ Повидимому, речь идет о Е. И. Утине (его брат, Н. И. Утин, находился в начале мая 1865 г. в Женеве — см. XVIII, 90).

⁴ О статье «Освобождение крестьян в Грузии» см. следующее письмо.

ОГАРЕВУ

Paris, 45, rue de Seine
14 мая 1865

Если я задержал до сих пор мою статейку, то только потому, что я получил вашу посылку «Положений» только 9 мая. Нечего и говорить, что я едва успел просмотреть эти положения и тотчас же принялся за статейку. Она чрезвычайно слаба, но что же прикажете делать в такой промежуток времени? Что же касается до «Положений», я оставил их у себя, и если вы можете располагать ими еще на недельку, я постараюсь к этому сроку сделать все выписки, нужные мне для будущих занятий, если же их у вас требуют, так я пришлю вам по первому потребованию.

Ваша присылка 100 франков тем более обрадовала меня, что вы прислали эти деньги из Общего фонда; не знаю, как для вас, а для меня это очень важно... Но для меня всего важнее знать, что вы поделяетесь с «сборником», о котором мы с вами говорили в Париже? ¹ Я думаю, что не худо было бы подумать об этом издании, и если вы можете сообщить мне кое-какие подробности о нем, то, пожалуйста, напишите с первым письмом.

Относительно статейки «Об освобождении крестьян», вы меня обяжете несказанно, если потрудитесь снабдить ее или маленьким предисловием, или заметками, в чем она весьма и весьма нуждается ².

Кстати, я думаю, что если бы вы поручили продажу «Колокола» здешней Librairie Internationale (Lacroix и К^о), то это было бы лучше, чем у Герольда, потому что на бульварах больше русских, чем в не посещаемой никем половине rue Richelieu, где находится лавка Герольда. Librairie Internationale, кажется, с радостью согласится на продажу, тем более, что в этом магазине очень много ваших старых изданий, которые продаются так себе. Впрочем, это совершенно второстепенная вещь.

Нельзя ли будет включить в следующий номер «Колокола» одну интересную новость: Михаил Николаевич, наш юродствующий фельдфебель, спас Россию: он открыл какой-то *чудовищный* заговор или тайное общество «Молодой Грузии и Армении». Можете вообразить себе двух-трех гимназистов, двух бывших студентов, говоривших *свободно* об освобождении крестьян и независимости Грузии. Их, вероятно, расстреляют, в этом нет никакого сомнения, если только их не повесили до сих пор. Мне пишут из Петербурга, что по этому делу приезжал в Петербург нарочный с донесением и ожидался аресты между грузинскими студентами. С этих пор (с 10 апреля) я не имею никакого письма из Петербурга. Нельзя ли будет придать этой мухе, раздутой Михаилом Николаевичем в слона, прежний вид мухи? ³

Крепко жму вашу руку.

Н. Н и к о л а д з е

Тороплюсь послать статью сегодня, поэтому мне некогда перечесть ее; извините меня, пожалуйста, за тьму мелких ошибок, которые непременно найдутся в ней.

¹ Относительно возможного участия Николадзе в «сборнике», т. е. в «Полярной звезде», издание которой предполагалось возобновить, Огарев писал Герцену 5 июня 1865 г.: «У Н(иколадзе) есть статья или начало брошюры или книги, которое требует выработки и пойдет в „Колокол“, а разве в какой сборник» («Лит. наследство», т. 39-40, 1941, стр. 405).

² При публикации статьи Николадзе «Об освобождении крестьян в Грузии» в «Колоколе» никаких дополнений и примечаний от редакции не последовало.

³ В конце заметки «Михаилы и Михаилы Николаевичи», написанной, как полагает Лемке, Герценом, воспроизведено это сообщение Николадзе (XVIII, 138—139 и 439).

Paris, 45, rue de Seine
12 июня 1865

Ваше письмо ¹ сказало мне не слишком много нового, чего бы я не передумал по прочтении «Письма» ². Что прикажете делать? Я никоим образом не могу согласиться с вашим мнением, что вы добьетесь какого-нибудь толку от «большого большинства». Мое мнение требует некоторого объяснения.

В 1857—1862 гг. успех «Колокола» был громадный; с этим согласны все — как враги, так и приятели. На чем был основан ваш успех? На том, по моему мнению, что вся та часть общества, которая сидит сложа руки, ожидая, что все земные блага влетят в рот, точно жареные голуби, по мановению какого-нибудь волшебного жезла, видела в вас и в вашем «Колоколе» заоблачных поварей и заморскую кухню лакомых кушаний. «Они, — думала эта часть общества, — будут звонить до тех пор и так долго, что, наконец, убедят государя дать нам нужные реформы». Люди «золотой середины» ценили вас именно как «внушителей полезных реформ». Вы не можете сказать, чтобы Катков, например, был глуп или не понимал своего положения и отношений к другим деятелям, однакож было время, когда он пожимал вам руку, и это время было не в 46, 48 или в 1856 году, а в 1860 году ³. Он, а за ним и все одномышлящие с ним, видели в вашем «Колоколе», так сказать, косвенную меру, служившую подталкивающим началом, но не самостоятельности общества, а просто-напросто правительственного исправления. Мало этого, «Колокол» считался знаете ли чем? Залогом примирения общества с правительством и, вместе с тем, орудием против развития самостоятельности и самостоятельности общества, словом — против революционных начал молодого поколения. Вы, конечно, помните «Конец и начала»; но тут мне нужно оговориться: я не читал этих статей; с мая 1863 мне удалось прослушать только начало 1-й статьи и то мимоходом, мои соседи по квартире читали ее в своей комнате, смежной с моею. В моей памяти осталось самое смутное впечатление этого начала, но все-таки, сколько я помню, мне кажется, что эти статьи были написаны именно в этом духе «примирения» ⁴.

«Конец и начала», если только они были писаны в этом направлении, могли загнать вас слишком далеко; к счастью, польское движение сняло маску с господ приверженцев примирения: с одной стороны, вам нельзя было не увидеть, сколько грязи было на них и в них, и когда эта грязь напоялась кровью, то тут вы, разумеется, отвернулись с негодованием от них, а с другой стороны, щеголяя своею душевною чернотою и вызывая казни и ссылки, большинство необходимо должно было забыть на время реформы, а вместе с ними и «Колокол».

Вот, по моему мнению, причины как успеха, так и неуспеха «Колокола». Что же касается до того, что *обличительная* сторона «Колокола» нравилась нашим Ноздревым и К^о своим несколько скандалёзным характером, — я думаю, что об этом не стоит и говорить: правда, были и исключения, некоторым из ваших читателей нравились и скандалчики или даже единственно одни скандалчики, но таких господ было слишком мало в сравнении с массою читателей, точно так же, как не слишком много было исключительно платонических поклонников задорно-остроумного *стиля* Искандера. Все эти читатели нисколько не составляли общего правила, они были только исключениями.

У вас были и другого рода читатели: это молодое поколение, проникнутое мыслью о необходимости общественной *инициативы* и самостоятельности; оно не было удовлетворено вами, примите это к сведению. Ваша изда-

тельская деятельность была для них проблесками молнии, озарявшей и освещавшей время от времени мрачный туман, царящий над ними; вместо того, чтобы вдохновить в них постоянную *силу*, вы время от времени подстрекали их дремавшую от многих причин энергию, и только. Для того чтобы это поколение было вполне удовлетворено вами, необходимо, чтобы все ваши силы, не тратясь в отдельных проблесках без связи и единства, соединились в одно стройное целое и стали постоянным маяком, освещающим дорогу не более или менее блистательным мерцанием, а равномерным светом.

Оставьте мертвым хоронить мертвых. На лицах и телах большинства так много слизкой грязи, что оно снова сумеет ускользнуть из ваших рук, как в 1863 г. Ваша сила, — если вы хотите иметь ее, — находится в молодом поколении: удовлетворите его, и я ручаюсь вам своею головою, что вы можете тогда рассчитывать на него, как на каменную гору.

Удовлетворить, но как? Для этого нужны не только «исторические монографии» и «теоретические статьи», а прежде всего и главное всего, так сказать, «учебники», печатание которых невозможно в России. Монографии пойдут уж после, пополняя и объясняя пробелы и слабые места общих сочинений. Начать же с отдельных монографий, значит освещать путь урывками, что немногим отличается от теперешней тьмы.

Я понял, что вы хотели призвать ваших старинных читателей; я знаю, что вы успеете в этом, потому что они давно уже ждут первого шагу. Ваша ветреная любовница — публика дуется на вас, ожидая вашей ласки, улыбнитесь — она обнимет вас... чтобы еще раз упасть в объятия правительства или Каткова.

Не лучше ли, не благоразумнее ли с вашей стороны совершенно разойтись с нею, когда позади вас стоит верная, *законная* подруга — все молодое поколение, постоянно благородное в своих симпатиях и действиях. Как вы думаете, у кого больше постоянства? Загляните-ка в «Письма к противнику» и в особенности во «Второе письмо»⁵.

Тут опять-таки надо оговориться: я не совсем согласен с мыслью «Второго письма»; правда, что

Тот, чья жизнь бесполезно разбилася,
 Может смертью еще показать,
 Что в нем сердце не робкое билось,
 Что умел он любить и страдать...⁶

Но уметь умереть еще не довольно, надо уметь употребить на пользу самую жизнь, чего я не слишком признаю в нашем молодом поколении... но тут мы снова вернемся к коренному злу: наша молодежь действует по инстинкту, потому что в непроницаемой тьме, в которой она находится, иначе почти и невозможно действовать. Вина опять-таки падает на недостаток света или, лучше сказать, на тех, кто может осветить дорогу, (но) отказывается от этого труда.

Теперь ваша очередь подумать об этом...

Знаете ли, почему я спрашивал у вас о клубе? ⁷ Если в нем отыщется человек пять-шесть из *свежих* натур; тогда из него можно сделать все, что хотите; например, первому вы поручите написать очерк того-то, означивши основания, указавши источники или даже и давши общие и главные идеи, другому — другое и т. д. Разговорами, так называемым спором и проч. вы можете создать себе чудеснейших помощников, и все это даром не пройдет. Есть ли у вас надежда на подобный ход дел?

Пожмите от меня руку г. Герцену за его статью «Письмо к путешественнику». Дайте нам таких статей, Александр Иванович, да почаще!

С искренним уважением остаюсь

Н. Н и к о л а д з е

Р. С. Вчера я опоздал отдать письмо на почту и, пользуясь этим, перечел его; я нахожу, что я слишком отклонился от предмета нашей переписки: на «Письмо» Герцена я писал, что неужели он не разочаровался еще в е(го) в(еличестве), я ставил этот вопрос, нимало не подозревая в Герцене такого ослепления; дальше я говорил, что это «Письмо» может ввести в заблуждение многих. Вы очень хорошо знаете, что теперешний *террор* в России не может продолжиться, его надо будет бросить вместе с Муравьевым и Катковым. Тогда «большинство» подумает, что «ну, слава богу, теперь, мол, все пойдет получше». Один простой факт, что Искандер написал снова письмо к г(осударю), способен вызвать в большинстве следующие размышления: «Уж если Искандер, человек и пр. и пр., не устает надеяться, просить и ждать, так нам и подавно нечего торопиться». Это размышление нимало не содействует пробуждению общественной *самодетельности*, на подготовку которой должен был служить «Колокол». Если Герцен не был в этом случае Поэриом⁸, зато он поможет многим сыграть в России эту несчастную роль.

Зачем вы беспокоитесь высылать мне «Колокол»? Это совершенно лишняя трата почтовых марок; я живу недалеко от улицы Ришелье и могу сходить к Герольду. А то вы уж слишком разбалуете меня.

13 июня.

¹ Письмо Огарева в печати неизвестно.

² Имеется в виду статья Герцена «Письмо к императору Александру II», напечатанная в л. 197 «Колокола» от 25 мая 1865 г. (ср. XVIII, 96—101).

³ Герцен писал о том, что Катков, будучи в 1860 г. в Лондоне, говорил ему, что «Колокол» — власть (см. «Апогей и Перигей», главу в «Былом и думах»—XIV, 374).

⁴ «Конец и начала» — цикл писем Герцена, обращенных к И. С. Тургеневу и опубликованных весной и летом 1862 г. в «Колоколе».

Разумеется, Николадзе, судя «понаслышке» о произведении Герцена, ошибался. Оно было направлено против обветшалого европейского буржуазного либерализма и представляло собой полемику с либеральными взглядами И. С. Тургенева.

⁵ «Письма к противнику» — цикл статей Герцена 1864 г., направленных против Ю. Ф. Самарина и его реакционных нападок на молодое поколение (XVII, 369—388).

⁶ Неточная цитата из «Рыцаря на час» Некрасова.

⁷ *Клуб* — славянский кружок, образовавшийся в Женеве.

⁸ Карло Поэрио — либеральный политический деятель в Неаполе, заточенный неаполитанским королем на десятилетия в тюрьму. Судьба этого либерала, поплатившегося за свои иллюзии, была обрисована в «Современнике» в 1859 г. с необыкновенной ясностью и беспощадным сарказмом Чернышевским (см. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. VI. М., 1949, стр. 148—154). Повидимому, отсюда Николадзе и заимствовал свой аргумент против Герцена.

4

ОГАРЕВУ

Paris, 45, rue de Seine
22 июля 1865

К моей величайшей досаде я нахожусь вынужденным снова заговорить о нашей переписке, которую вы великодушно назвали полемикой; я утешаюсь мыслью, что это письмо будет последним в этом роде.

Вы выставляете правительство *силой*, это «известно всякому, даже не выучившемуся этой истине в казематах». Но развитие вашей статьи¹ неминуемо ведет к следующему заключению: так как правительство — *сила*, преданная «ex professo» ложной деятельности, и так как с ним *невозможно* идти рядом, то необходимо идти против. По этой дороге ложная деятельность правительства будет давать на каждом шагу новые и новые силы движению, направленному против него².

Я размышлял: смерть наследника вызовет небольшое, чисто фиктивное смягчение железного порядка, тяготеющего над Россией с начала 1861. Я думал и думаю, что нужен только небольшой толчок для того, чтобы

правительство о(т)ставило в сторону эшафот и принялось бы за усовершенствованные формы французской системы, словом, употребляя избитое выражение, — чтобы оно оцивилизовалось, нужно было какого-нибудь пустого предлога. Я и не думал настаивать на необходимости казней, — да об этом смешно и говорить, — я желал, чтобы остановка казней и введение в действие цивилизованной системы казней по капелькам не обманули наше общество и в особенности нашу молодежь. Я надеялся, что «Колокол» сказал бы: «Наконец, правительство, дошедши до геркулесовых столбов вопиющей несправедливости и дикой кровожадности, остановилось, потому что ему дальше нельзя было идти, дальше идти некуда».

Разве это было бы несогласно с истиной?

А то мне что за дело до того, верит ли Искандер в человеческую натуру г(осударя) или нет? В этом деле главнейшая сторона состоит в убеждении общества, что, в случае поворота к лучшему, оно ничем не обязано доброй воле г(осударя), что перемена происходит вовсе не от добродушного г(осударя) и что, наконец, дальнейших перемен надобно ждать от общественной самостоятельности, а не свыше... Я думаю, что если предоставить все течению времени, то, конечно, все разрешится к всеобщему благополучию... этак лет через тысячу либо две. Я, конечно, совершенно согласен, что ход и развитие исторического прогресса неизбежны, что они поведут к цели, предположенной вами, но ведь это нимало не разрешает вам и всем способным людям отказаться от участия в общественном развитии тем менее, что в этой громадной работе не теряются самые мелкие уроки самых незначительных деятелей. А тою частью вашего письма, где вы говорите, что одна часть общества знает, что делать, а другая не способна ни на что, вы, кажется, подтверждаете только что замеченную странность. К чему тогда издавать «Колокол», к чему издавать или говорить что-нибудь, к чему вообще всякого рода деятельность? Все ведь пойдет по дороге прогресса, вытекающего из прошедшей жизни, а людей ведь не исправишь.

Я объясняю себе эту часть вашей статьи только желанием употребить удачные полемические приемы, иначе я их объяснить себе не могу. Я не могу, кроме этого, ответить вам печатно, да и не хочу, потому что развязка нашей полемики кончилась бы в вашу пользу вследствие невозможности с моей стороны высказать аргументы в мою пользу. Например, не могу же я сказать в печати, что большинство молодежи неразвито, нуждается не то что в руководствах, но в советах, поощрениях и весьма часто в пощечинах. Сказать все это — значило бы, с одной стороны, подрезать себе горло, а с другой — дать противникам нового движения повод издеваться или паясничать, дать им возможность подрывать *ваш* кредит, то есть кредит тех людей, которые стоят во главе движения мысли их рук. Целая стая лисиц, и во главе ее Катков, запела бы молодежи: «Смотрите, какого жалкого мнения о вас ваши *ководы*, те люди, которые *приказывают* вам идти на казнь и на каторгу»... и прочее в этом роде. Конечно, нет сомнения, что лучшие, светлые натуры поймут всю пошлость этого паясничества, но сколько найдется таких людей, которые при ином способе действия могли бы принести некоторую пользу делу, вместо того, чтобы сделаться, из тщеславия и мелкого самолюбия, врагами его? В этих случаях я нужным считаю соблюдать, по возможности, известного рода *ménagement* * и в гораздо сильной степени, и с большею справедливостью, чем вы с Долго-руком.

Отсюда я перехожу к маленькому вопросу о моей личности, как мне ни противно говорить о ней; эта оговорка или эта вставка вынуждена вашим полемическим приемом, заканчивающим, к слову сказать, совер-

* мягкое обращение (франц.).

шенно победоносно вашу статью: если вы думаете, что считать известное политическое устройство несовместным с развитием общественного строя — значит быть поверхностным поклонником внешней стороны европейской революции, тогда, но только тогда, считайте меня артистом в революции. Во всем остальном я столько же презираю пошлость заграничных революционеров, видящих спасение в изменении присяжной формулы или девизов, или даже династий, даже монархической системы в республиканскую, — как ненавижу наших доморожденных революционеров, стремящихся произвести социальную реформу уничтожением общинного землевладения и введением частной поземельной собственности.

Вы видите, что тут дело идет о мелочах. Коренной же вопрос о «Письме» Искандера достаточно разъяснен между нами, по крайней мере таково мое мнение.

Я не знаю, как пожать руку г. Герцену за его новые «Письма»³. Хотя они не могут стать на одну доску с «Письмами из Франции и Италии», но они все-таки помогут разъяснению вопроса для русской публики.

Я думаю, что это главней всего.

Искренно уважающая вас

Н. Н и к о л а д з е

¹ Речь идет о статье Огарева «По поводу письма Искандера к государю. Письмо к N. N.» в «Колоколе», л. 200 от 15 июля 1865 г.

² Николадзе имеет в виду следующие строки из статьи Огарева: «... заодно с правительством идти невозможно, и его реформы (...) вызовут противоречия, послужат случаями, при которых эти противоречия поведут развитие далее и хотя переворот пойдет по кривой линии, но все же не даст шагу назад».

³ «Письма к путешественнику» Герцена, которые печатались в мае—сентябре 1865 г. (XVIII, 101—138).

5

ГЕРЦЕНУ

Genève, 31, rue du Rhône
1 октября 1865

Александр Иванович,

Я слышал от В. И. Касаткина, будто бы г-жа Голицына говорила вам, что их круг не думал отказывать «Колоколу» в материалах для некролога М. Л. Михайлова.

Дело это близко касается меня, как человека, сказавшего вам, что так называемые материалы переданы г. Мечникову с тем условием, чтобы их не печатать в «Колоколе». Вследствие этого, я вас прошу разъяснить мне по возможности полнее смысл этого недоразумения. Мало этого, мне нужно ваше письмо, на которое бы я мог опереться.

В полной уверенности, что вы пришлете мне, с этим же комиссионером, письменное объяснение этой непонятной для меня истории, жму вашу руку¹.

Н. Н и к о л а д з е

¹ Никакого письменного объяснения Герценом «недоразумения», насколько нам известно, не последовало. Письмо Николадзе, без сомнения, находится в связи с появившимся в л. 205 «Колокола» от 1 октября 1865 г. траурным объявлением о смерти Михайлова, заметкой о его смерти («Убили») и обращением «От издателей», в котором Герцен и Огарев просили «всех, явевших сведения о последнем времени жизни Михаила Илларионовича (Гарноновича) Михайлова на Кандинском прииске, сообщить их (...) во всей подробности» (XVIII, 231).